

УДК 47.2 (575.2) (04)

**“...МЕЛЕХОВЫ, А ПО-УЛИЧНОМУ – ТУРКИ”
(Инонациональные черты в образе Григория Мелехова)**

Г.Н. Хлыпенко – канд. филол. наук, доц.

“Melekhov has very particular destiny” – said M.A. Sholohov about the main hero of his novel “Quiet Don”. May be the brightest display of this personality is getting vividly expressed non-likely features to the certain nationality, because Grigori Melekhov has the grandson of kazak man and turkish woman. Focusing much attention on this point, the auther of the article proves that he doesn't turn away from the typical norm and vice versa he maintains norms according to his typical content.

Прав был Гете, сказавши, что первоклассные произведения искусства нужно время от времени созерцать повторно, ибо в них таится необозримая глубина. Таков и “Тихий Дон” – гениальный роман, влекущий к себе гипнотической силой правды о времени и человеке, волнующий сердце и ум всякий раз, когда читаешь его или о нем.

Вот уже более полувека не утихают споры вокруг судьбы главного героя романа. Кто он, донской казак Григорий Мелехов: “жертва заблуждения”? “отщепенец”? “правдоискатель”? Сколько раз казалось, что ариаднина нить найдена, но ни разу она не доводила до желаемой цели, а характер Григория Мелехова, его трагическая судьба по-прежнему остаются загадочными.

“...Стал он на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их...” (4, 162)¹. Образ Мелехова настолько сложен, что ни одна научная концепция, ни один метод исследования, взятые в отдельности, не могут охватить его в целостности. Между тем в методологическом подходе к анализу этого образа давно наметились две крайности. Одни исследователи акцентируют внимание на своеобразии судьбы Григория, на индивидуальных качествах его характера. Другие, наоборот, видят в Мелехове носителя классового признака, который поглощает все, что составляет самобытность

его личности. При этом и те и другие ссылаются на суждения самого Шолохова, высказанные им в разное время и по разным поводам:

1) “У Мелехова очень индивидуальная судьба, и в нем я никак не пытаюсь олицетворить средняцкое казачество” (“Известия”. – 1935. – 10 марта);

2) “Григорий, в моем мнении, является своеобразным символом средняцкого казачества” (“Советская Россия”. – 1957. – 25 августа).

Так уж получилось, что эти суждения развели по сторонам, и они стали научными догмами. А между тем, если вдуматься внимательно, они диалектически соотносены друг с другом, о чем, кстати, уже было сказано А. Хватовым: “... Шолохов сослался на индивидуальное своеобразие судьбы Григория Мелехова, вероятно, полагая, что социально-типическая емкость его характера значительно шире его личной биографии, что индивидуальная судьба не охватывает и не исчерпывает всего богатства и многообразия возможностей, заложенных в характере”².

Крайности всегда опасны, а методологические – тем более. Акцентируя внимание только на общем или только на индивидуальном в характере героя, мы тем самым разрушаем типическое содержание образа. Тогда-то и появляются утверждения типа: “Ряд индивидуальных качеств характера Григория Мелехова создает отклоне-

¹ Здесь и далее цитаты из романа даются по изданию: Шолохов М. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Гослитиздат, 1956–1960 (первая цифра – том, вторая – страница). Курсив в тексте наш. – Г.Х.

² Хватов А. Художественный мир Шолохова. – М.: Сов. Россия, 1970. – С. 215.

ния от исторической нормы”¹; “На отдельных этапах пути Григория в его образе по-разному переплетаются типические и индивидуальные свойства...”² и т.п.

Да, это так: “У Мелехова очень индивидуальная судьба...”. И, может быть, самым крайним проявлением этой индивидуальности является наличие во внешности и характере героя ярко выраженных инациональных черт. Ведь отец Григория, Пантелей Прокофьевич, был сыном казака и турчанки. “С тех пор и пошла турецкая кровь скрещиваться с казачьей. Отсюда и повелись в хуторе горбоносые, диковато-красивые казаки Мелеховы, а по-уличному – Турки” (2, 12).

Давайте заострим внимание на этом факте, который, насколько нам известно, еще не был объектом специального рассмотрения, и попытаемся выявить, является ли этот факт отклонением от типической нормы или, наоборот, нормативен по своему типическому содержанию.

Сначала – об уличном прозвище Мелеховых – “Турки”.

“**Прозвище**, – разъясняет словарь С.И. Ожегова, – название, данное человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству”³. Из другого авторитетного источника – книги Л. Успенского “Ты и твое имя” – можно узнать, что “фамилия – имя родовое: его особенность в том, что оно коллективно, принадлежит не одному, а нескольким людям, членам одной семьи <...> А прозвище как раз наоборот: как бы указывает на одного-единственного, данного человека, на его личные, только ему одному присущие отличительные черты”⁴. Приведа эти высказывания, мы обратим внимание на один существенный момент: прозвище – деталь *характерологическая*, т.е. оно “прямо вытекает из личных свойств, внешности, характера или жизни его носителя”⁵.

Вот почему Л. Успенский свободно пользуется термином “личное прозвище”.

Действительно, “Турки” – не столько семейное, сколько личное прозвище, потому что носителем его являются только два представителя мелеховского рода – Пантелей Прокофьевич и Григорий. Когда Аксинья приходит к ворожке Дроздихе, чтобы она помогла ей наговором расстроить женитьбу ее возлюбленного, та, естественно, интересуется: “Чей же паренек-то?”, – и, узнав, что Пантелея Прокофьевича, тут же уточняет: “Турка, что ли?” (2, 66). В другом эпизоде, где Аксинья расспрашивает работника Листницких Емельяна, каким стал Григорий после возвращения с фронта, тот отвечает: “Такой же... горбоносый да черный. Турка туркой, как и полагается” (3, 86). И ни разу, ни в одном эпизоде этим прозвищем не назван брат Григория Петро⁶.

Собственно, в облике Петра нет ничего от турок. “...Петро напоминал мать (она была казачкой. – Г.Х.): небольшой, курносый, в буйной повители пшеничного цвета волос, кареглазый” (2, 13). Зато Григорий полностью унаследовал черты Турок. “А младший, Григорий, в отца попер: на полголовы выше Петра, хоть на шесть лет моложе, такой же, как у бати, вислый коршунячий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румяняющей кожей. Так же сутулился Григорий, как и отец, даже в улыбке было у обоих общее, звероватое” (2, 13).

Инациональные черты в облике Григория акцентируются Шолоховым на протяжении всего романа. Так, в сцене, когда Аксинья горячо уговаривает Григория уйти с хутора, “Григорий углом переламывает левую бровь, думает и неожиданно открывает горячие свои, *нерусские* глаза” (2, 61). Коршунов, отговаривая дочь Наталью от

¹ Якименко Л. Творчество М.А. Шолохова. – М.: Сов. писатель, 1964. – С. 269.

² Маслин Н. М.А. Шолохов // История русской советской литературы: В 4 т. Т. IV. – М.: Наука, 1971. – С. 196.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 10-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – С. 561.

⁴ Успенский Л. Слово о словах. Ты и твое имя. – Л.: Лениздат, 1962. – С. 554.

⁵ Там же. – С. 555. Л. Успенский убедительно доказывает эту мысль, анализируя “Записки охотника” И.С. Тургенева, в частности рассказ “Певцы”, где есть несколько персонажей с прозвищами (Обалдуй, Моргач, Дикий Барин, Яков-турок).

⁶ Вдумчивый читатель может обратить внимание на один эпизод, который, кажется, опровергает наши утверждения. В первой части романа, где описано возвращение казаков из военных лагерей, вспыхивает ссора между Петром Мелеховым и Степаном Астаховым. Степан, не желая выслушивать оправдания Петра насчет того, что он одинаково усердно погоняет и своего, и степанова коня, со злобой говорит: “Как бы я тебя ни подпрег. Турки – они тягуши...” (2, 62). Однако это выпад не в сторону Петра, а в сторону Григория. Степану уже известно, что его жена Аксинья “с Гришкой Мелеховым спуталась”, и весь накопивший гнев Степан вымещает на брате Григория.

выхода замуж за Григория, говорит: “Нашла жехи, дуреха, только и доброго, что *черный, как цыган*” (2, 89). А вот он, уже в зените казачьей славы, приехал с фронта в отпуск. “Григорий надел мундир с погонами хорунжего, с густым завесом крестов и, когда погляделся в запотевшее зеркало, – почти не узнал себя: высокий, худощавый, *цыгановато-черный* офицер глядел на него двойником” (3, 282).

Инонациональные черты во внешности Григория Мелехова – яркая портретная деталь, которая проецируется Шолоховым на внутренний облик героя, как это и должно быть у подлинного художника. Турецкая кровь, текущая в жилах Григория, конечно же, наложила печать своеобразия на его характер, темперамент, нрав – словом, на всю психическую деятельность, которая, как известно, мотивирует поступки и действия человека. Не отсюда ли берут начало такие черты мелеховского характера, как излишняя горячность, быстрая возбудимость, несдержанность, доходящая до безрассудства?

Вспомним одну только сцену. По дороге на покос Петро подтрунивает над Григорием, излагая ему хуторские пересуды о его связи с Аксиньей. Григорий просит брата прекратить этот разговор, но тот продолжает дразнить его. И тогда последовал психический взрыв, объяснимый лишь индивидуальными особенностями мелеховского темперамента.

“Григорий ухватил за держак короткие вилы, лежавшие в задке косилки, кинулся к Петру. Тот, бросив вожжи, прыгнул с сиденья, вильнул к лошадам наперед.

– Тю, проклятый!.. Сбесился!.. Тю! Тю! Глянь на него...

Оскалив по-волчьи зубы, Григорий метнул вилы. Петро упал на руки, и вилы, пролетев над ним, на вершок вошли в кремнисто-сухую землю, задрожали, вызывая. Потемневший Петро держал под уздцы взволнованных криком лошадей, ругался:

– Убить бы мог, сволочь!

– И убил бы!

– Дурак ты! Черт бешеный! Вот в батину породу выродился, *истованный черкесюка!*” (2, 83).

Про “батину породу” сказано не зря. Еще в первой главе романа Шолохов подчеркнул одну черту характера Пантелея Прокофьевича: “... В гневе доходил до беспамятства...” (2, 82). Вот почему столкновения между двумя Турками – отцом и сыном – проходят резко, скоротечно и, как правило, результативно. В подобных ситуа-

циях Григорий, не колеблясь, разрубает гордые узел опутывающих его сомнений и противоречий. Такова, например, ссора отца с Григорием, после которой он решительно порывает с родительским домом и уходит с Аксиньей в работники к Листницким. Примечательно, что, описывая ссору, Шолохов не упускает случая подчеркнуть инонациональное начало в психологическом облике героев: “Одна, сдобренная *турецкой примесью*, текла в них кровь, и до чудного были они схожи в этот момент” (2, 169).

Акцентируя внимание на инонациональных чертах во внешнем и внутреннем облике Григория Мелехова, мы вовсе не стремимся объяснить его характер, исходя только из психологических критериев. Но и не учитывать их совершенно тоже неправильно. А ведь именно так поступали в своё время большинство исследователей, для которых ничего, кроме социальных критериев, поддающихся логическому истолкованию, не существовало. Разумеется, они основные, однако побочные тоже весьма существенны при анализе сложных художественных явлений.

Возьмем, к примеру, эпизод из пятой части романа, где рассказано о выборах на майдане командира повстанцев. Выдвигается кандидатура Григория и тут же отводится по той причине, что Мелехов “был в большевиках”. Молчавший до сих пор Григорий взрывается:

– Да я и не нуждаюсь! На кой черт вы мне сдались, – кричал сзади Григорий, краснея от напряжения; взмахнув рукой, повторил: – Я и сам не возьмусь! На черта вы мне понадобились! – сунул руки в глубокие карманы шаровар; сутулясь, журавлиным шагом потянул домой” (3, 345).

Уход Григория с майдана ни для кого не является неожиданным. Он объясняется его нежеланием участвовать в повстанческом движении против красных и предрешен заранее. “Я-то воевал, пушай другие спробуют” (3, 339), – заявляет Григорий еще по дороге на майдан.

Но разве только социальными мотивами и побуждениями объясним поступок Григория? Вспомним: уже находясь на майдане, Григорий предпринимает попытку уйти со схода. И если бы он ушел, как было им задумано, незаметно, никто не упрекнул бы писателя в том, что поступок героя, мол, не мотивирован. Однако социальная мотивировка поведения Григория кажется Шолохову недостаточной, ибо *такой* уход обезличил бы *такую* личность, как Григорий Мелехов. Вчитаемся еще раз в приведенный эпизод, вникнем еще раз в слова и действия Григория,

идущие от его “простого и бесхитростного” ума. В них – не только внутренняя убежденность, но и душевная смятенность, растерянность, незащищенность; не только праведный гнев, но и оскорбленное самолюбие; не только трезвость ума, но и безрассудность чувств. А самая бросающаяся в глаза и неожиданная деталь – одна из реплик, брошенная вслед Григорию: “*Вот как турецкие кровя им распоряжаются!*” (3, 345).

Нет, нельзя не учитывать при анализе образа Григория и – шире – судьбы Мелеховых их уличного прозвища “Турки”, которое, как мы пытались доказать, является, по существу, личным прозвищем Григория, а потому несет на себе характерологическую нагрузку¹. Реплика: “Вот как турецкие кровя им распоряжаются!” – невольно приходит на память при осмысливании самых драматических эпизодов в жизни Григория, когда ему приходится принимать бесповоротные решения или совершать энергичные поступки. Достаточно вспомнить, например, драку со Степаном Астаховым или ссору с Пантелеем Прокофьевичем, решительный переход на сторону белых и столь же решительный отказ покинуть родину, столкновения с офицерами и генералами и споры с Михаилом Кошевым.

Инонациональные черты в образе Григория Мелехова – существенный момент, помогающий глубже понять его характер, полнее постичь внутренние мотивы его побуждений, точнее истолковать его позицию “на грани, в борьбе двух начал”. И если этот момент не упускать из виду, тогда еще понятнее и убедительнее утверждение Шолохова о том, что у Мелехова “очень индивидуальная судьба”.

Действительно, привнесение инонационального элемента в образ Григория выделяет его из казачьей среды, накладывает печать индивидуальности на его судьбу. Прозвище “Турка” далеко не безобидно, в устах ревнителей казачьей сословности оно звучит как оскорбление и произносится с изрядной долей национального пренебрежения. Так, Коршунов, несмотря на то, что его сын Митька и Григорий являются давниш-

ними друзьями-одногодками, несмотря на то, что Григорий в душе нравится ему, оговаривается: “Да мне, признаться, и зазорно трошки выдавать свою дочерю к туркам. *Уж были бы люди как люди...*” (2, 90).

В этом отношении наиболее показательна и доказательна сцена прохождения Григорием медицинской комиссии перед призывом в армию. Отменные физические показатели приводят членов комиссии в восторг.

“– В гвардию? – спросил окружной военный пристав, наклонясь черной прилизанной головой к соседу за столом.

– *Рожжа бандитская... Очень дик.*

<...> Григория отпустили. Направляясь к двери, он услышал *брезгливый шепот*:

– *Нель-зя-а-а. Вообразите, увидит государь такую рожу, что тогда? У него одни глаза...*

– *Переродок! С Востока, наверное*” (2, 230–231).

Выходит, для официальной власти примесь турецкой крови в жилах казака подобна той ложке дегтя, которая, как известно, портит бочку меда.

Да, Григорий Мелехов индивидуален, но не настолько, чтобы быть исключительным. Через индивидуальную судьбу Мелехова Шолохов раскрывает такие жизненные закономерности, которые возводятся в ранг типических, ибо индивидуализация, как известно – художественная форма передачи типического. Даже такая, казалось бы, сугубо индивидуальная черта Григория, как проявление в облике инонационального начала, – явление далеко не единичное. В романе есть целый ряд персонажей, наделенных в той или иной мере инонациональными чертами.

Вот, к примеру, казак Федот Бодовсков. В его внешности крупным планом даются “калмыцкие глаза”, причем деталь эта повторяется несколько раз. На хуторе Бодовского зовут “Федоткой-калмыком”, ругаясь при случае: “Образина твоя калмыцкая!..”. И тому приходится проглатывать оскорбления, отбиваясь горькой шуткой: “Калмык да татарин – первые люди в степи...” (2, 139).

А вот другой казак – Меркулов, о котором сказано: “цыганская родня – Меркулов” (4, 21). Подьесаул Калмыков охарактеризован так: “маленький круглый офицер, носивший не только в имени, но и на лице признаки монгольской расы” (2, 346). У станичного атамана Лиховидова “горбоносое смуглое лицо серба” (3, 350). Даже генерал Корнилов – “стройный, подтянутый, маленький, с лицом монгола”; его “смуглое лицо” “не-

¹ В романе можно найти и другие личные прозвища (напр., Авдеич Брех, Атепин-Цаца). Некоторые прозвища из личных начинают превращаться или уже превратились в безличные, т.е. утратили свои характерологические функции (напр., Шамиль, Валет, Подкова). В общем, “Тихий Дон” – настоящая находка для ономатологии – науки о личном имени человека.

проницаемо, азиатски бесстрашно”; он шурит “монгольские с ярким блеском глаза” (3, 127).

В последней, четвертой книге романа Шолохов как бы подводит черту под мыслью о национальной неоднородности казачества, показывая его через восприятие английского полковника, который, разумеется, является убежденным противником расового смешения. “С истинно британским высокомерием смотрел он на разнохарактерные смуглые лица этих воинственных сынов степей, поражаясь тому расовому смешению, которое всегда бросается в глаза при взгляде на казачью толпу; рядом с белокурым казаком-славянином стоял типичный монгол, а по соседству с ним черный, как вороново крыло, молодой казак, с рукой на грязной перевязи, вполголоса беседовал с седым библейским патриархом – и можно было биться об заклад, что в жилах этого патриарха, опирающегося на посох, одетого в

старомодный казачий чекмень, течет чистойшей кровью кавказских горцев” (5, 117–118).

Таким образом, шолоховский герой с “очень индивидуальной судьбой” даже в индивидуальных проявлениях характера остается лицом типическим. Вот почему правы те исследователи, которые, подобно А. Хватову, утверждают, что “острота индивидуального проявления лишь резко обозначает то, что связывает героя со своей средой, с историческим бытием и мирозерцанием народа”¹. Следовательно, рассмотренный нами “индивидуальный” факт мелеховской биографии является не отклонением от типической нормы, а тем исключением, которые, как известно, подтверждают правило.

¹ Хватов А. Художественный мир Шолохова. – С. 222.